

Вчера я впервые был в канцеляриях дирекции. Наша ночная смена выбрала меня доверенным лицом, и, поскольку конструкция и заправка наших ламп оставляет желать лучшего, я должен был добиться там устранения этого неудобства. Мне показали кабинет, куда следует обращаться, я постучался и вошел. Хрупкий молодой человек, очень бледный, улыбнулся мне из-за большого письменного стола. Он долго, слишком долго кивал головой. Я не знал, сесть ли мне, там стояло второе кресло, но я подумал, что, может быть, не следует мне сразу садиться в свой первый приход, и потому изложил дело стоя. Но как раз этой скромностью я, по-видимому, поставил молодого человека в затруднительное положение, ибо он должен был поворачивать лицо ко мне и вверх, если не хотел переставить свое кресло, а этого он не хотел. С другой стороны, при всем желании ему не удавалось повернуть шею полностью, и потому во время моего рассказа он на полпути поднимал глаза наискось к потолку, а я непроизвольно тоже. Когда я кончил, он медленно встал, похлопал меня по плечу, сказал: «Так-так, так-так», – и подтолкнул меня в соседнюю комнату, где какой-то господин с лохматой бородой явно ждал нас, ибо на его столе не было и следа какой-нибудь работы, а открытая стеклянная дверь вела в садик со множеством цветов и кустов. Маленькой, в несколько слов информации, которую молодой человек прошептал ему, хватило этому господину, чтобы понять наши многочисленные жалобы. Он тотчас встал и сказал: «Итак, дорогой!» – он запнулся, я подумал, что он хочет узнать мою фамилию, и уже открыл рот, чтобы представиться повторно, но он прервал меня: «Да, да, ладно, ладно, я тебя прекрасно знаю... итак, твоя или ваша просьба, конечно, справедлива, и я, и господа из дирекции, конечно же, понимаем это. Благо людей, поверь мне, важнее нам, чем благо производства. Да и как же иначе? Производство можно всегда наладить заново, дело только за деньгами, к черту деньги, а если человек погибнет, то погибнет именно человек, остаются вдова, дети. Ах, боже мой! Поэтому любое предложение ввести новое предохранительное устройство, новое облегчение, новое приспособление, новые удобства мы всячески приветствуем. Кто его вносит, тот наш человек. Ты, значит, оставишь нам здесь свои заявки, мы в них разберемся, если можно будет внедрить заодно еще какое-нибудь блестящее новшество, мы, конечно, не преминем это сделать, и как только все будет готово, вы получите новые лампы. А своим там внизу скажи: пока мы не превратим ваши штольни в салоны, мы здесь не успокоимся, и если вы не начнете наконец погибать в лакированных башмаках, то не успокоимся вообще. Засим всех благ!»